

21. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
22. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982.
23. Педагогический энциклопедический словарь / Под ред. Б. М. Бим-Бада. М., 2002.
24. Семenov В. Д. Вопреки, но благодаря. Этюды о педагогической антропологии конца XX века. Екатеринбург, 1999.
25. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Соч. М., 1990. Т. 6.

В. И. Копалов
г. Екатеринбург

ПРАВОСЛАВНАЯ КОМПОНЕНТА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Особенности развития русской философии истории, ее своеобразные качества во многом совпадают со специфическими свойствами, присущими русской философии в целом. В. В. Зеньковский, анализируя своеобразие русской философской мысли, на первый план выдвигает ее антропоцентризм, ориентацию на постижение человека, на нравственную, социальную и историософскую проблематику. «Русская философия, — писал он, — *сплошь историософична*, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т. п. Эсхатологические концепции XVI века перекликаются с утопиями XIX века, с историческими размышлениями самых различных мыслителей. Это исключительное, можно сказать чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей «русской души»¹.

Аналогичную позицию занимал П. И. Новгородцев, выдающийся специалист в области философии права. По его мнению, своеобразие направлений и систем в философии может быть двоякого рода: либо это своеобразие формы и стиля, детальности описания и степени совершенства в развитии идей, либо оно проявляется в сущности самих идей, в их неповторимой связи с основами национальной культуры. «Русское мировоззрение и русская вера уже с давних времен противопоставляют западному идеалу другой: высшая цель культуры состоит, по русскому воззрению, не в строительстве внешних форм жизни, но в их духовной внутренней сущности. Не конституции, а религии образуют высший продукт духовного творчества и высшую цель жизни. Не государ-

ство, а церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную цель истории и культуры»².

Упорядоченным и оформленным системам западной философии истории русские историософские труды могут показаться лишенными формы и поэтому не принимаются в расчет. Невольно слышится голос «незримого оппонента»: во-первых, самобытные черты не содержат ничего оригинального, чего нельзя найти в западных историософских системах; во-вторых, самобытность — нечто такое, что искажает установленные принципы западной философии. Однако наша цель состоит не в том, что указать на кровнородственную связь русской философии истории с западной, а в том, чтобы показать широкую панораму русской историософской мысли и творящий ее русский дух. И даже в университетски представленной русской философии истории, систематизированной и упорядоченной, мы обнаруживаем те же черты своеобразия, которые являются следствием русской культуры и Православия. На полный сарказма вопрос «незримого оппонента» — были ли в России историософские труды, подобные трудам Вольтера, Канта, Гердера и Гегеля, — необходимо ответить с полной определенностью: да, были! Труды П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева являются свидетельством существования и развития оригинальной русской философии истории.

Особенностью развития русской философской мысли было то, что она длительное время находила выражение в сфере художественной литературы и публицистики. Это во многом свойственно и русской философии истории. Великие русские писатели внесли неоценимый вклад в становление русского национального самосознания и историософии. Историческая драма А. С. Пушкина «Борис Годунов», «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, незаконченный труд Ф. И. Тютчева «Россия и Запад», а также его поэзия, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского являются свидетельством напряженного внимания классиков русской художественной литературы к истории, культуре, судьбе русского народа и историософии.

Анализ глубинных метафизических оснований русской философии истории предполагает выявление основополагающих ценностей, способов философствования, магистральных тем исследования, логических приемов, обеспечивающих устойчивое существование отечественной философской традиции. Русская философская мысль развивалась в историософском ключе: проблемы смысла жизни и смысла истории, направленности исторического про-

цесса, конца истории коренятся в духовных установках, свойственных национальному самосознанию русского народа. *Диалогичность, онтологизм, антропоцентризм, православная ориентация, способность к историософскому синтезу* — ведущие параметры русской философии истории, прежде всего ее религиозного направления.

Развитие русской философии истории традиционно происходило как альтернатива двух взаимообусловленных направлений — религиозной философии истории, основанием которой была идея провиденциализма, и философии истории политического радикализма, основанной на принципе исторического детерминизма, на идее прогресса и «самозаконности разума». Дискуссия, начатая западниками и славянофилами, продолжается до наших дней, но модификация ее форм не изменила сущностных оснований этого творческого, а подчас и трагического диалога. Однако оригинальность русской философии истории в большей степени присуща ее религиозному направлению.

Русская философия истории развивалась под началом онтологии, явно преобладающего доминирования проблем исторического бытия над проблемами исторического познания и отвлеченного гносеологизма. Поэтому ключевыми мотивами стали геополитические координаты (Запад — Россия — Восток), этнопсихологические, цивилизационные, социокультурные и религиозные параметры, нашедшие выражение в следующих темах: самобытность, соборность, всеединство, русская идея, русский космизм, общее дело и катастрофизм развития.

Религиозная компонента русской философии истории покоится на творческой мощи Православия. Провиденциализм в истории не исключает признания закономерности в историческом бытии, более того, опирается на принцип свободы воли человека. Религиозность русского народа и связанное с нею искание абсолютного добра — нравственного блага, истины, красоты — задает абсолютный ценностный вектор русской философии истории. Эсхатологизм, историческая миссия русского народа, его мессианское предназначение является тому доказательством. Как утверждал митрополит Иоанн (Снычев), невозможно понять катастрофический характер русской истории в рамках сиюминутной политической практики. Историософские обобщения, необходимые для ответа на такие вопросы, не умещаются ни в границах прикладных социальных наук, ни в области рациональной истории, ни под покровом позитивистской материалистической философии.

Русской философии истории, как, впрочем, и всей русской философии, присущ синтетический подход к осмыслению историчес-

кого процесса. Подобная синтетическая парадигма русской историософии нашла достойное выражение в идее соборности (А. С. Хомяков), в принципе цельного знания (И. В. Киреевский), в концепции всеединства (В. С. Соловьев). По мнению последнего, этот великий синтез не есть чья-то субъективная личная потребность, он вызван недостаточностью эмпирической науки и бесплодностью отвлеченной философии. Синтетический подход в русской философии истории наиболее полно представлен в системе координат «Запад — Россия — Восток», а также в противопоставлении западноевропейского типа мышления — абстрактного *ratio* и восточно-христианского конкретного Логоса (А. Ф. Лосев).

В своем развитии русская философия истории может быть представлена следующими основными этапами: древнерусский период; славянофильство и западничество; историографическое направление; религиозно-философские концепции Серебряного века, получившие дальнейшее развитие в историософии русского зарубежья; евразийство и, наконец, современные концепции. Следует отметить, что данная периодизация весьма условна, она в большой степени связана с оригинальными историософскими системами. Те философско-исторические воззрения, которые в значительной степени были дублированием западноевропейских доктрин (народничество и русский марксизм), на наш взгляд, лишь условно могут быть отнесены к русской философии истории. Своеобразие отечественной историософии несомненно проявляется в сменяющих друг друга этапах развития. В рамках этого раздела большее внимание будет уделено тем этапам и концепциям, которые не получили должного освещения в последующих лекциях.

Древнерусская философско-историческая мысль в основном представлена «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повестью временных лет» и доктриной «Москва — третий Рим» инок Филофея. В этих древних сочинениях преобладают идеи патриотизма и христианского универсализма, утверждается единство Русской земли, а также мессианское предназначение русского народа, взявшего на себя после падения Византии миссию сохранения в чистоте и неповрежденности православного христианства. Следовательно, с самого начала русская историософская мысль формируется как православно-христианская. Она возникла одновременно с русской государственностью и русской духовной культурой.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.) по праву считается одним из первых трудов в русской философии истории. Иларион — первый митрополит из русских, был

избран в 1051 г. по воле Ярослава Мудрого. «Слово» Илариона одновременно является воплощением религиозной, политической и историософской мысли. Это единственный памятник XI века, в котором идет речь о русском народе, в то время как традиционным для той эпохи было понятие «Русская земля». С одной стороны, Иларион рассматривал всемирную историю как воплощение Божественного предопределения, с другой — отечественная история была для него ветвью всемирной истории, в связи с этим он указывал на благотворное влияние принятия христианства Древней Русью. Согласно исследованию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, главным прозрением Илариона стало утверждение о духовной природе той силы, которая соединила разрозненные славянские племена в единый народ. «В этом стремлении к христианской святине как национальному идеалу — истоки русской соборности, «собранности» вокруг Церкви, сознание духовной общности народа, коренящиеся в общем служении, в общем долге. Соборность — это единство народа в исполнении христианского долга и самопожертвования, в стремлении посылить приблизиться к Богу «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия»³.

Особую роль в становлении русского национального самосознания имели летописи. Для первых столетий существования Киевской Руси источником такого рода является «Повесть временных лет» — летописный свод XII века, автором которого принято считать Нестора-летописца.

Серьезной историософской концепцией древнерусского периода явилась доктрина «Москва — третий Рим» (XVI в.). Наиболее четко эта доктрина была представлена в посланиях старца псковского Елеазарова монастыря Филофея к Василию III, Ивану Грозному и другим адресатам. Политический контекст эпохи — Флорентийская уния (1439) и падение Константинополя (1453) — был причиной подобной историософской концепции, в которой утверждались идея преемственности Москвы в области православной монархической государственности, и Москва как хранительница Православия в неповрежденности и чистоте. Впервые здесь выдвигается учение о «Святой Руси», об универсальном значении России для судеб мира.

Н. В. Сеницына в своем фундаментальном труде «Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)» пишет: «Третий Рим — это не только Москва и даже не Москва по преимуществу, но Российское царство с центром в Москве, Русская православная церковь и ее главная кафедра —

кремлевский Успенский собор. Это формула, призванная придать им пространственную глубину и длительную, в полтора тысячелетия протяженную, что сделано на уровне средневековой историософии»⁴.

Характеризуя типологические признаки древнерусской мудрости, М. Н. Громов выявляет их сходство с европейской философией. Для древнерусской мудрости свойственно философствование в духе Сократа, когда философия (и, соответственно, историософия) понимается как жизнестроительное учение; философствование по методу Платона, когда философия составляет единое неразрывное целое с искусством, а этический и рациональный способы мышления создают высший интеллектуальный синтез; и, наконец, философствование в духе Аристотеля, что означает закрепление устной сократовской и письменной платоновской традиций в систематизированном и формализованном виде. Однако методу Платона, давшего непревзойденный синтез живого слова и глубокой мысли всегда отдавалось предпочтение. «Мудрость Древней Руси, — пишет Громов, — является таким же неотъемлемым компонентом общечеловеческого философского наследия, как древнерусская культура — частью мировой цивилизации. Высоким достоинством этой культуры выступает не только ее самобытность, но и ее открытость, стремление усвоить, творчески переработать, внести свой смысл в ценности, воспринятые от других народов»⁵.

Большое влияние на развитие русской историософии оказали *славянофильство* и *западничество* — два альтернативных направления, которые сформировались на рубеже 30–40-х гг. XIX века. Если западники полагали, что развитие России должно пойти в русле политических, экономических и культурных моделей западноевропейских стран, то славянофилы исходили из принципа особенного, самобытного пути исторического развития России и протестовали против перенесения на русскую почву чуждых народу быта, политических форм и общественных отношений. Славянофильство было относительно однородным течением, в то время как западничество на всем протяжении XIX века демонстрировало многообразие направлений: революционно-демократическое, народничество, позитивизм, марксизм. Смена ведущих идейно-политических течений в западноевропейских странах диктовала идейную моду и среди русских западников. Славянофилы, которые исходили из самобытного исторического развития России, практически не были подвержены идеологической конъюнктуре. Прологом к дискуссии западников и славянофилов стала работа П. Я. Чаадаева «Философические письма». Славянофилы в лице А. С.

Хомякова и И. В. Киреевского создали оригинальную концепцию отечественной истории, которая базировалась на традициях русской национальной культуры. Позднее Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» обосновал философско-историческую концепцию культурно-исторических типов, которая оказала существенное влияние на создание историософских систем О. Шпенглера и А. Тойнби, во многом определивших развитие философии истории XX века.

Западничество содержало в себе зародыши либерализма, с одной стороны, и революционных доктрин — с другой. В историософии западников длительное время развивалась традиция, которую, с известной долей условности, можно назвать философией политического радикализма. Декабристы, революционные демократы, народники, русские марксисты сумели дать свое понимание исторического процесса, места и роли России в нем. Труды А. И. Герцена «Русский народ и социализм», П. Л. Лаврова «Исторические письма», П. А. Кропоткина «Хлеб и воля», работы по историческому материализму Г. В. Плеханова и В. И. Ленина на протяжении ряда десятилетий оказывали серьезное влияние на идейную атмосферу и историческое бытие России и русского народа. Однако все эти направления отличались индифферентным отношением к русскому национальному самосознанию, полагали, что Россия должна использовать западные модели социально-экономического развития и рассматривали революцию как единственно верное средство переустройства российского общества.

Представители *историографического направления* обращались к историософской проблематике с целью научного концептуального изложения истории России, ее периодизации и выявления основополагающих факторов развития. Несомненно, что историческое знание всегда было содержанием историософии, и вместе с тем оно имело потребность в категориальном аппарате, в методологических принципах, которые историки так или иначе заимствовали из философии истории. Наибольшее влияние на развитие русской философии истории оказали выдающиеся историки Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.

«История государства Российского» Н. М. Карамзина вышла в свет с 1816 по 1829 г. в 12 томах. Впервые в отечественной историографии Карамзин использовал огромное количество исторических источников и, прежде всего, древнерусские летописные своды. Начиная свое сочинение, Карамзин четко и определенно выражает методологическую и прогностическую функцию исторического познания. «История, — писал он, — в некотором смыс-

ле есть священная книга народов: главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»⁶.

Карамзин вел полемику с основоположниками «норманнской» теории происхождения древнерусского государства — Г. З. Байером, Г. Ф. Миллером, А. Л. Шлецером, опровергал их варианты периодизации русской истории. Но самое главное заключалось в том, что Карамзин серьезно повлиял на развитие русского национального самосознания, чувства патриотизма и роли исторического знания в этом направлении. «Из всех литературных произведений народа изложение истории его судьбы более всего должно вызывать его интерес и менее всего может иметь общий, не строго национальный характер. Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастиями, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия. Он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк»⁷.

О глубоком влиянии «Истории государства Российского» на духовную атмосферу русского общества мы можем судить по замечанию А. С. Пушкина, который подчеркнул, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Именно под влиянием «Истории» Карамзина Пушкин написал одно из лучших драматических произведений «Борис Годунов», которое посвятил «драгоценной для россияи памяти» историка Н. М. Карамзина. Сам Карамзин, уповая на благоденствие России и русского народа, заключает предисловие к своему труду словами: «Да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой».

С. М. Соловьев (1820—1879) — автор 29-томной «Истории России с древнейших времен», которая выходила в свет с 1851 по 1879 г. Историографическая концепция Соловьева зиждется на принципе исторической закономерности, на непременном условии сведения исторических фактов в единую систему. Уже в предисловии к «Истории России» он писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии,

стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда»⁸.

В статье «Начала русской земли» (1876) Соловьев дает характеристику важнейших факторов, определяющих историю России: 1) географический (природа страны); 2) этнографический (характер «племени», к которому принадлежит народ); 3) внешний (торговые, дипломатические и военные контакты с сопредельными народами). Здесь Соловьев проводит принцип исторической закономерности с иной стороны — исторической связи России с Европой и с азиатскими народами и государствами, указывает на положение России между Европой и Азией. Роль географического фактора в истории, то, что ныне изучает геополитика, занимает значительное место в историографической концепции Соловьева. Более того, он фиксирует внимание на том, что «природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный».

В «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872) Соловьев, оценивая историческую деятельность Петра, излагает свое понимание роли личности в истории. Историческая личность рассматривается как квинтэссенция совокупной личности народа. «Наше сочувствие, — писал он, — принадлежит тем, которые великим трудом развили свои нравственные силы, окруженные варварами, сохранили свой европейско-христианский образ и стали способны под предводительством величайшего из тружеников приступить к новому великому труду — труду созидания новой России. Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем»⁹.

Вскоре после выхода в свет последнего тома «Истории» основное сочинение Соловьева было оценено общественным мнением в России как энциклопедия русской истории, и в этом качестве «История» оказала серьезное влияние на развитие русского национального самосознания, а следовательно, и на русскую философию истории.

Русская историографическая мысль во второй половине XIX — начале XX в. развивалась благодаря творчеству В. О. Ключевского (1841 — 1911). Его основной труд «Курс русской истории» в 5 томах был опубликован с 1904 по 1910 г. Будучи учеником С. М. Соловьева, Ключевский в 1879 г. был приглашен Московским

университетом читать курс российской истории, а с 1882 г. он был одновременно профессором Московского университета и Духовной академии. Многие идеи будущего «Курса русской истории» были изложены Ключевским в его докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси».

Вместо понятия «философия истории» Ключевский предпочитал употреблять другое, более соответствующее его эпохе — «историческая социология». По его замечанию, «тайна исторического процесса, собственно, не в страпах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, в их внутренних постоянных, данных раз и навсегда особенностях, а в тех многообразных и изменчивых, счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время. Эти сочетания — основной предмет исторической социологии»¹⁰.

Ключевский полагал, что исторический процесс складывается из совместной работы нескольких сил, смыкающих отдельные лица в общественные союзы. Эти силы — человеческая личность, людское общество, природа страны. В зависимости от подобного концептуального построения он дает и периодизацию русской истории. Решающим основанием периодизации Ключевский считал процесс колонизации: «История России есть история страны, которая колонизируется». Отсюда основные периоды русской истории: днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский. Тем самым он определял и границы курса русской истории. «Курс истории — далеко не вся история: заключенный в тесные пределы академического года, в рамки учебных часов и минут, курс не может охватить всей широты и глубины исторической жизни народа. В этих границах преподаватель может со своими слушателями проследить лишь такие течения истории, которые представляются ему главными, господствующими, обращаясь к другим струям ее, лишь поскольку они соприкасались или сливались с этими магистральями»¹¹.

Большое внимание в своей концепции русской истории Ключевский уделял природе страны, которая является колыбелью и мастерской каждого народа. Для русского народа такой колыбелью стала Восточно-Европейская равнина. «Лес, степь и река, — писал он, — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека». Вместе с тем Ключевс-

кий, характеризуя природу России, особо выделяет то положение, которое она занимает между Западом и Востоком. «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии — или в нее влекли Азию»¹².

Будучи современником крупнейших реформ в истории России, Ключевский весьма пастороженно отнесся к позиции западников-либералов, отмечая при этом, что «вы должны прежде всего приняться работать своим умом вместо пассивного усвоения плодов чужого ума». Его пронизательные замечания, что на поворасчищенной почве нельзя прямо сеять эти идеи, что можно продолжить работу, посредством которой русские нравственные обычаи и понятия были бы приспособлены к тем идеям, на которые должен стать создаваемый порядок русской жизни. Как актуальны эти мысли Ключевского для нашей эпохи.

Русская историографическая мысль внесла большой вклад в развитие отечественной философии истории. Своеобразным итогом, в котором выражено все многообразие русской исторической мысли явилась работа М. О. Кояловича «История русского самосознания» (1884). Наряду с названными крупнейшими историками XIX века необходимо назвать имена историков-академиков К. Н. Бестужева-Рюмина и С. Ф. Платонова, внесших значительный вклад в развитие отечественной историографии. Особо стоит отметить влияние русской советской историографической школы, а также творчество историков эпохи русского зарубежья, среди которых выдающуюся роль сыграла пятитомная «История России» Г. В. Вернадского. Тем не менее, для историографического направления русской мысли философия истории имела прикладное значение. Но русская философия истории вряд ли могла бы развиваться независимо от отечественной историографии.

Религиозно-философское направление. Вся многообразная историософская проблематика получила благотворное развитие в период Серебряного века русской философии. Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, авторы сборников «Вехи» и «Из глубины» дали теоретическое обоснование магистральных путей развития отечественной и мировой истории. Труды В. С. Соловьева «Россия и вселенская церковь», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», фундаментальный труд Л. А. Тихомирова «Философско-религиозные основы истории» определили на многолетнюю перспекти-

ву содержательный анализ и дискуссионный характер русской историософии.

Это направление получило дальнейшее развитие в условиях вынужденной эмиграции в 20—50-е гг. XX века. Эмиграция сфокусировала спектр исследований русских мыслителей исключительно на проблемах русской истории и культуры, более того, породила совершенно особое ревностное отношение, в котором совместились ностальгия, память и долг философов, стремление воспроизвести и донести до потомства русскую культурную традицию, основанную на Православии, особом художественном акте и народной культуре. Русское зарубежье в области философии истории отмечено следующими трудами: «Смысл истории» и «Русская идея» Н. А. Бердяева; «Свет невечерний» С. Н. Булгакова, «Философия истории» Л. П. Карсавина; «Достоевский и его христианское миропонимание» Н. О. Лосского; «Пути русского богословия» Г. В. Флоровского; «Очерки по истории русской церкви» А. В. Карташева; «Сущность и своеобразие русской культуры» И. А. Ильина. Особое место в этом ряду занимает двухтомное исследование В. В. Зеньковского «История русской философии», где значительное внимание отводится и историософской проблематике. Сегодня эти труды, впервые опубликованные на родине русских мыслителей, стали нашим общим духовным достоянием, и являются фундаментом для продолжения исследований в области отечественной историософии на современном этапе.

Евразийство как оригинальная концепция русской философии истории возникла в эмиграции, в 20-е гг. XX века. Оно явилось реакцией на трагические события последнего десятилетия: первую мировую войну, надлом и катастрофичность европейской культуры, революцию и гражданскую войну в России, вынужденную эмиграцию. Своеобразным прологом к евразийской концепции стала книга Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920). В этом труде автор выделяет эгоцентризм романо-германской культуры, ее необоснованные претензии на исключительность и универсальность. «Европейская культура, — писал он, — не есть нечто абсолютное; не есть культура всего человечества, а лишь создание ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов, имевших общую историю»¹³. Столь же определенно Трубецкой делает вывод, что европеизация является безусловным злом для всякого народа, не принадлежащего романо-германскому миру, в ином случае любой народ может оказаться в духовной и материальной зависимости от народов Западной Европы и будет лишен собственного национального творчества.

Сущностные и содержательные характеристики евразийской историософской концепции были изложены в сборнике статей «Исход к Востоку» (София, 1921). Концентрированное выражение этой концепции мы находим в трудах географа и экономиста П. Н. Савицкого, который явился духовным лидером всего евразийского движения. Главную ценность евразийского движения Савицкий видел в особой «пространственно-временной оптике», в особом историческом взгляде на судьбы и предназначение России, в стремлении представить Россию как отличный от Европы и Азии особый «континент Евразию» со своей культурой и исторической судьбой.

Несущие конструкции евразийской концепции были изложены в отдельной публикации «Евразийство (Формулировка 1927 г.)», авторство которой во многом принадлежит Савицкому. Они могут быть сведены к следующим позициям: утверждение особых путей развития России — Евразии; обосновании принципов жизни на началах Православия; вера в первичность духовных факторов развития цивилизации; наличие идеократического государства. По утверждению Савицкого, «евразийство есть не только система историософских или иных теоретических учений. Оно стремится сочетать мысль с действием; и в своем пределе приводит к утверждению, наряду с системой теоретических воззрений, определенной методологии действия. Основная проблема, которая в этом отношении стоит перед евразийством, есть проблема сочетания религиозного отношения к жизни и миру с величайшей, эмпирически обоснованной практичностью»¹⁴.

Евразийское движение просуществовало около двух десятилетий. На разных этапах его развития к нему примыкали и внесли свой вклад в историософию евразийства специалисты в области культуры — П. П. Сувчинский и П. М. Бицилли, историк и философ Л. П. Карсавин, историк богословия Г. В. Флоровский, историк Г. В. Вернадский и многие другие. Л. Н. Гумилев в одном интервью назвал себя «последним евразийцем». Несомненно, на творчество Гумилева повлияли идеи евразийцев об особой роли монгольского влияния на развитие российской государственности и русской культуры.

В конце XX века происходит политическая и социокультурная реанимация евразийства. В условиях распада СССР (исторической России) стали востребованы концептуальные идеи П. Н. Савицкого и его сподвижников. В историософском плане необходимо отметить позицию А. Г. Дугина, который в своих многочисленных трудах дает современное прочтение евразийской историософ-

ской концепции применительно к геополитическому положению современной России и целого ряда независимых государств, возникших на постсоветском пространстве.

Современные историософские концепции получили развитие в последнее десятилетие XX века и в начале XXI века. По выражению С. С. Хоружего, русская философия вновь развивается «после перерыва». Этот «перерыв» был обусловлен абсолютным засилием «единственно оправданной и научной» марксистско-ленинской философии. Неблагоприятная идеологическая ситуация и полное отсутствие источников по русской философии истории никак не стимулировали обращение исследователей к подобной тематике. В настоящее время многое изменилось: вышли в свет труды отечественных и зарубежных философов по русской историософии, они стали достоянием специалистов. Все это дает мощный импульс для исследовательской работы и стимулирует создание новых историософских концепций, опирающихся на силу традиции, учитывающих специфику современного развития, а также перспективы развития России в контексте всемирно-исторического процесса.

Среди современных исследований следует выделить историографическое, геополитическое и цивилизационное направления, которые рассматривают вопросы о развитии России сквозь призму историософской проблематики. Историографическое направление убедительно представлено монографией Н. А. Нарочницкой «Россия и русские в мировой истории» (М., 2003). В этом ключе вел свои исследования истории России В. В. Кожинов. Геополитический аспект последовательно проведен в книге А. И. Уткина «Мировой порядок XX века» (М., 2002). Автор ставит вопрос о том, к какому результату приведет глобализация «по-американски» и какое место отводится в этом процессе России. Вместе с тем здесь значительное внимание уделяется взаимоотношениям России с Западом, Востоком и исламским миром.

Цивилизационное направление рассматривает Россию в ее историческом развитии как особый тип цивилизации, отличный от Запада и от Востока, обладающий наличием собственных идентификационных признаков, имеющий собственный цивилизационный код. Это направление представлено трудами А. А. Зиновьева, И. Р. Шафаревича, О. А. Платонова, М. В. Назарова, С. Г. Карамурзы, К. Г. Мяло. Но наиболее последовательно это направление представлено капитальной монографией А. С. Панарина «Православная цивилизация в глобальном мире» (М., 2003). В этом ряду непременно следует отметить творчество покойного митро-

полита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Спычева), который, следуя традиции русской религиозной историософии, выделяет важнейшие темы: смысл русской истории, роль Провидения в истории, этапы развития русской государственности и национального самосознания, христианский путь державного строительства — программные положения развития постсоветской России.

Несомненно одно — современному поколению следует усвоить наследие русской историософской мысли. Подлинное отношение к наследию предполагает не только его освоение и сохранение, но и творческое развитие. Поэтому на основе достижений философии истории Серебряного века мы должны создать новую концепцию, которая бы в полной мере учитывала интеллектуальный потенциал предшествующей историософской мысли, и также реалии современного исторического бытия России и русского народа.

¹ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. I. Ч. 1. С. 16–17.

² Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Соч. М., 1995. С. 376.

³ Высокопресвященнейший Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 35.

⁴ Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 243.

⁵ Громов М. Н. Структура и типология русской средневековой философии. М., 1997. С. 206.

⁶ Карамзин Н. М. Предания веков. М., 1987. С. 31.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. I. Т. 1–2. С. 55.

⁹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 27.

¹⁰ Ключевский В. О. Русская история. Полн. курс лекций: В 3 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 8.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 102–103.

¹⁴ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М., 1993. С. 111.